

На правах рукописи

Еремеев Ярослав Николаевич

**ДИРЕКТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ
КАК КОМПОНЕНТ КОММУНИКАТИВНОГО ПРОЦЕССА**

Специальность 10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Воронеж – 2001

Работа выполнена на кафедре английской филологии факультета романо-германской филологии Воронежского государственного университета

Научный руководитель - доктор филологических наук,
профессор В.Б.Кашкин

Официальные оппоненты - доктор филологических наук,
профессор И.А.Стернин,
кандидат филологических наук,
доцент Л.Г.Ерасова

Ведущая организация - Волгоградский государственный
педагогический университет

Защита состоится " __ " _____ 2001 г. в __ часов на заседании диссертационного совета Д 063.48.01 в Воронежском государственном университете по адресу: 394693, г.Воронеж, пл.Ленина,10.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Воронежского государственного университета.

Автореферат разослан " __ " _____ 2001г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат филологических наук,
доцент

Н.М.Вахтель

Реферируемая диссертация посвящена особенностям функционирования директивных высказываний в коммуникативном процессе. Работа выполнена на материале английского и русского языков. Наряду с традиционными для лингвистических исследований последних лет контрастивно-прагматическими методами в работе сделана попытка использования "диалогически-антиномического" подхода к текстам высказываний.

Теоретической базой работы стали работы В. фон Гумбольдта, А.А.Потебни, Ф. де Соссюра, П.А.Флоренского, С.Н.Булгакова, А.Ф.Лосева, М.М.Бахтина, О.Розенштока-Хюсси, Л.Витгенштейна, П.Грайса, Дж.Остина, Р.Барта, Дж.Р.Серля, П.Бурдье, У.Матураны, В.В.Налимова, А.А.Поликарпова, В.С.Юрченко, И.А.Стернина, Е.И.Беляевой, В.В.Богданова, В.И.Карасика, Р.Фаулера, П.Линнела, П.Рестана, С.К.Саранги и других.

Объектом анализа выступает функционирование директивных высказываний в процессе речевого взаимодействия людей или – в *диалоге*. *Диалог* мы понимаем в двух значениях: в узком – как речевое общение двух или более собеседников, *hic et nunc*, и в широком – как постоянное общение людей с социально-культурной национально-исторической средой и *через* ее призму друг с другом. Директивные высказывания, хотя и вычлняются из диалога в целях исследовательско-методических, в онтологическом плане являются лишь *компонентом* диалога в обоих указанных его смыслах, неразрывно связаны со всеми прочими компонентами, и имеют свое значение и бытие только в составе этих связей. Именно такой подход к директивным высказываниям, попытка соединения теоретических положений, характерных для *антиномического* и *диалогического* учений о языке и речевой деятельности с методикой контрастивно-прагматического исследования языкового материала и определяет **актуальность и научную новизну работы**.

Осуществляемый в работе анализ директивных высказываний имеет **целью** выявление семантических, синтаксических, прагматических и национально-культурных особенностей текстов русских и английских директивов.

Из цели вытекает и ряд **задач**, которые ставились и решались в настоящем исследовании:

- 1) на основе критического обзора различных взглядов на язык, речевую деятельность и их национально-культурные особенности и семантического,

синтаксического и прагматического анализа корпуса примеров директивных высказываний построить модель функционирования этого класса высказываний в процессе коммуникации;

- 2) выявить основные принципы построения директивных высказываний и их главные характеристики;
- 3) определить степень влияния социально-культурных и национально-языковых факторов на построение текста директивных высказываний, их употребление в речевой деятельности.

В работе используется *дедуктивно-индуктивная* или *абдуктивная методика исследования*. При таком подходе к исследованию некоторое теоретическое положение или ряд таковых принимаются в качестве рабочей гипотезы, которая в ходе исследования языкового материала конкретизируется, дополняется или, напротив, ограничивается более или менее узкой сферой применения. Данная методика представляется нам наиболее адекватной для настоящего исследования. Также были использованы и другие методы: контрастивный анализ (при исследовании параллельных текстов), описательный, контекстуальный анализ.

Исследуемый **корпус примеров** содержит около трех тысяч директивных высказываний, взятых из произведений английской литературы и такое же количество русских высказываний – это примеры не из параллельных текстов, по 2300 примеров из параллельных текстов, и около двух тысяч примеров *общественных указателей*.

На защиту выносятся следующие положения:

- 1) директивность является одной из основных характеристик высказывания; все высказывания можно по этому критерию разделить на директивные и недирективные;
- 2) директивное высказывание есть сложный продукт коммуникации, зависящий от волеизъявлений коммуникантов, особенностей коммуникативного контекста, социокультурной и национально-языковой среды; успешность директивного высказывания, то есть «претворение слова в дело», зависит, прежде всего, от успешности *диалога* коммуникантов, согласованности их волеизъявлений; степень отличия конкретного директивного высказывания от директивного инварианта, его *имплицитность* или *эксплицитность* зави-

сят от конкретных особенностей данного акта коммуникации; директивная интенция может выражаться предложениями всех типов; директивное высказывание может содержать одно или несколько предложений, в последнем случае одно из предложений бывает чаще всего собственно директивным, прочие – вспомогательными, то есть усилительно-мотивационными или объяснительными;

- 3) в случае осуществления диалога говорящего и адресата, то есть согласования их волеизъявлений, адресат осуществляет ответ действием (физическим, словесным или психическим); при отсутствии этой согласованности, а также при особых условиях (оторванность акта коммуникации и предполагаемого действия во времени друг от друга, особенности взаимоотношений коммуникантов и пр.) обычно следует словесная реакция адресата (не являющаяся исполнением предлагаемого действия), а затем может возникнуть дополнительный вербальный диалог коммуникантов;
- 4) особый тип директивных высказываний представляют собой *общественные указатели*; их главные отличительные черты: опосредованность коммуникации, имперсонификация (отсутствие конкретного отправителя и безличный, коллективный адресат), многократность использования, стандартность и лаконичность текста, конвенциональность;
- 5) значительную степень влияния на построение и функционирование директивных высказываний (включая степень их "диалогичности", прагматичности, стандартности и пр.) оказывают языковые и национально-культурные особенности тех социальных сред, к которым принадлежат коммуниканты.

Теоретическая значимость исследования определяется тем, что предлагаемая «антиномически-диалогическая» модель построения и функционирования директивных высказываний позволяет учитывать *взаимодействие коммуникантов* в процессе общения, видеть диалектику *сущности и явления* в диалоге, и вследствие этого реально определять природу директивности и директивных высказываний.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования ее основных положений в теоретических спецкурсах и в процессе обучения иностранному языку, в частности, при изучении функций языка и коммуникации и их основных компонентов, одним из которых и является класс дирек-

тивных высказываний. На основе диссертации могут быть разработаны лекционные и практические курсы, которые возможно будет использовать в процессе изучения природы коммуникации, ее метаязыковых и национально-культурных особенностей.

Определить задачу данного исследования можно и как выявление различных способов отношения человека к окружающему миру и другим людям, обществу, в частности, того, как эти различия отражаются в способах языковой передачи его интенции как одной из форм *интенциональности*, т.е. свойства его ментальных состояний, в силу которого они направлены на объекты и положения дел в мире. Помимо различий, обусловленных влиянием на человека данной социокультурной среды и норм языка, которым он пользуется, мы предполагаем выделить и общие черты, которые характерны для способов выражения интенции в обеих языковых средах.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования прошли апробацию на региональной научно-теоретической конференции «Язык и национальное сознание» (Воронеж, 1999), на отчетной конференции факультета РГФ (по итогам научной сессии Воронежского государственного университета 2000г.), на межвузовских аспирантских семинарах по лингвистике и теории коммуникации, проводимых под руководством проф. В.Б.Кашкина (ВГТУ), где за период 1999-2000гг. было прочитано четыре доклада. По теме диссертации опубликован ряд работ общим объемом 2,5 п. л.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, библиографии, списка использованных источников языкового материала и приложения, в котором приводятся примеры русских и английских общественных указателей.

Глава 1 «ДИРЕКТИВНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В СВЕТЕ ДВУХ ПОДХОДОВ К ИЗУЧЕНИЮ ЯЗЫКА И РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» рассматривает различные подходы к языку и процессу коммуникации.

Известно, что с середины XX века в лингвистике на первое место постепенно выходят проблемы изучения зависимости формы и содержания конкретного высказывания от взаимоотношений между коммуникантами, различного рода характеристик ситуации, в которой произносится это высказывание.

Основанием нового направления в лингвистике стали прежде всего статья Пола Грайса “*Meaning*” (1948), где утверждается, что понятие “*значение*”

(языкового выражения) концептуально зависит от понятий “подразумевать” (хотеть сообщить) и “конвенция”, и работа Джона Остина “ *How To Do Things With Words* “(1962), в которой развивается теория о коммуникации как об особом виде деятельности. Остин вводит понятие “перформативного высказывания”, как продукта этой деятельности. В законченном виде *теория речевых актов* представлена в работах ученика Джона Остина Джона Р. Серля. Вслед за Остином и Стросоном Серль предлагает рассматривать любое высказывание как иллокутивный акт, а также указывает на его конвенциональность. Совершение иллокутивного акта относится к тем формам поведения, которые регулируются правилами.

Серль возражает против утверждения Л.Витгенштейна о существовании бесчисленного множества типов употребления предложений. По его мнению, если принять, что иллокутивная цель (illocutionary point) – это базисное понятие, вокруг которого группируются различные способы использования языка, то окажется, что число различных действий, которые мы производим с помощью языка, довольно ограничено (Серль 1986).

Серль выделяет пять основных типов иллокутивных актов (Серль 1986): репрезентативы, директивы, комиссивы, экспрессивы, декларации.

Согласно *теории речевых актов*, интенция отправителя, т.е. то воздействие, которое он намеревается оказать на адресата, реализуется в конкретном речевом акте, обладающем в зависимости от данной интенции той или иной иллокутивной силой, а значит и принадлежащем к тому или иному типу речевых (иллокутивных) актов.

Что представляет собой директивная интенция? Директивная интенция - это стремление одного из коммуникантов оказать на собеседника (адресата) такое воздействие, которое побудило бы последнего совершить определенное действие (физическое, речевое или ментальное), исполнения которого первый из коммуникантов (отправитель) желает по тем или иным причинам.

В последнее время *теория речевых актов* часто критикуется. Основные претензии ее критиков можно свести к следующему:

Во-первых, речевые акты в теории Остина - Серля в плане выражения точно совпадают с границами предложения. На самом деле, речевые акты зачастую осуществляются посредством нескольких предложений или посредством отдельных частей предложения.

Во-вторых, *теория речевых актов* совершенно необоснованно соотносит всякое высказывание (кроме частного случая косвенных речевых актов) с одним и только одним типом речевых актов и фиксированного и конечного набора таких типов.

В-третьих, – и на наш взгляд, это самое главное – точка зрения *теории речевых актов* статична и монологична – она игнорирует динамическую и диалогическую природу естественного речевого общения, игнорирует то, что интенция говорящего может изменяться в зависимости от реакции адресата на его предыдущие реплики, и вообще, она практически полностью игнорирует позицию адресата в процессе коммуникации, смещая свой фокус на говорящего.

Таким образом, очевидна необходимость видоизменения модели речевого общения, построенной на прагматических принципах, дополнения ее новыми принципами и положениями с целью представить ее более гибкой, динамичной, приближенной к реальным условиям коммуникации. С этой целью мы обратились к основным положениям *философии имени* и *диалогической философии*, а также к ряду исследователей, стоящих на близких к этим школам позициях.

Одно из основных положений *философии имени* сводится к тому, что язык обладает антиномической природой. Он имеет и идеальное, и конкретное бытие. Об этом говорил еще Платон в "Кратиле". Уже в Новое время В. фон Гумбольдт обращается к такому пониманию природы языка. Он писал о том, что нельзя и не должно избегать этого противоречия, представляя себе язык в некоторых частях чуждым душе и независимым от нее, а в других только ее собственностью. Идея антиномизма языка была развита в *философии имени* (П.А.Флоренский, С.Н.Булгаков, А.Ф.Лосев). П.А.Флоренский писал, что язык есть живое равновесие "вещи" и "жизни". В своей сущности язык является все-ленским, в своем явлении – индивидуальным. Язык творится как художественное произведение (по словам С.Н.Булгакова), но вместе с тем мы его уже имеем как изначальную данность. Поэтому мы не творим язык, но творим "из него". (Булгаков 1997). "Два устоя языка взаимно поддерживают друг друга, и устранением одной из противодействующих сил опрокидывается и другая. Язык... возможен лишь их борьбою, осуществляясь как подвижное равновесие начал движения и неподвижности" (Флоренский 1998).

"Мысль-слово" и слово в речи не тождественны друг другу. Последнее относится к первому как энергия к сущности, а сама коммуникация, по

А.Ф.Лосеву, есть “арена” встречи энергий коммуникантов. И чем яснее, точнее энергия являет сущность, тем полнее осуществляется понимание. Слово оформляет мысль говорящего, рождая мысль-слово, и слово являет эту мысль слушающему в Диалоге.

Таким образом, *философия имени* смыкается с *диалогической философией* (М.М.Бахтин, М.Бубер, Ф.Розенцвейг, О.Розеншток-Хюсси), главное положение которой может быть выражено следующими словами Ф.Розенцвейга: “Говорить – это значит: говорить с кем-то и мыслить для кого-то другого, причем этот Другой всегда – определенный Другой, который, в отличие от немого Всеобщего, не только зритель, но и живой участник речевого события, способный отвечать на равных” (цит. по: Волошинов (Бахтин) 1993).

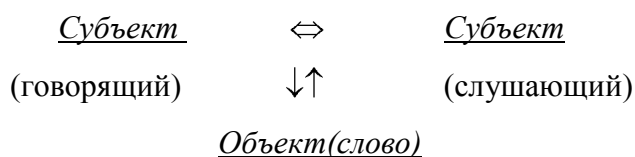
Как утверждает М.М.Бахтин, человек не творит в каждом акте коммуникации новый, свой собственный язык, он пользуется для оформления мысли тем, что было накоплено в языке и культуре до него, но выбор его одновременно свободен и ответственен. Интенция говорящего как бы определяет грань между “его” и “чужим” словом, являясь гарантией неслучайности сделанного выбора. Конкретное слово или знак возникает только в процессе взаимодействия между индивидуальными сознаниями, то есть в акте коммуникации, в *диалоге*.

По О.Розенштоку-Хюсси, действительный язык означает свободу между двумя людьми варьировать, дополнять взаимообразными путями одно и то же слово, идею, тему или языковой материал; никакая часть ни одного диалога на свете не имеет смысла, если она не воспринимается как вариация чего-то общего, что разделяется говорящим и его слушателями.

Итак, вместо прагматической модели общения, которую можно представить схемой:

$$\begin{array}{ccc} \underline{\text{Субъект}} & \rightarrow & \underline{\text{Объект}} \\ \text{(говорящий)} & \text{слово} & \text{(слушающий)} \end{array}$$

диалогисты предлагают другую схему, отражающую коммуникацию как продукт социального взаимодействия трех участников:

По мнению М.М.Бахтина, любое высказывание предполагает диалог, собеседника, индивидуальный речевой акт есть *contradictio in adjecto*. Только в потоке речевого общения высказывание может осуществляться как целое. Ведь целое определяется его границами, а границы высказывания проходят в местах соприкосновения с другими высказываниями или с внесловесной средой.

Итак, всякое понимание носит активно ответный характер, “чревато ответом” (М.Бахтин), а всякое высказывание заранее ориентировано на это понимание, ответную реакцию, словом ли, действием, мыслью – все это зависит от конкретного случая. Поэтому, всякое высказывание входит в “электрическую сеть” (О.Розеншток-Хюсси) языка, потенциально может вступить в диалог с любым словом, когда-либо и где-либо попавшим в эту всемирную и всевременную сеть.

Положения *философии имени и диалогической философии* поддерживаются и развиваются в трудах таких современных исследователей, как В.В.Налимов, В.С.Юрченко, Б.М.Гаспаров, В.Л.Махлин, П.Линелл, М.Ляхтеэнмяки и других.

Глава 2 рассматривает ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ДИРЕКТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ В РЕЧИ И ИХ СЕМАНТИЧЕСКИЕ, СИНТАКСИЧЕСКИЕ И ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ. В первой главе мы установили, что акт коммуникации не есть способ осуществления интенции говорящего, но результат взаимодействия интенции всех (двух или более) участников коммуникации. Хотя интенция говорящего по преимуществу активна, направлена вовне, а интенция слушающего рецептивна, тем не менее, коммуникативный акт необходимо изменяет тем или иным образом психическое, ментальное состояние как первого, так и последнего. Это в полной мере относится к директивному коммуникативному акту, ибо только при удачной комбинации интенций говорящего и адресата (благоприятной для говорящего) возможен ожидаемый говорящим результат – совершение адресатом того или иного действия. Именно поэтому, хотя директивное высказывание актуализируется одним из участников комму-

никации, этой актуализации предшествует **диалог** говорящего со слушающим (диалог в самом широком смысле слова, вербальный и невербальный, непосредственно предшествующий данному директивному высказыванию и охватывающий весь опыт личного и заочного общения коммуникантов). Поэтому, несмотря на столь очевидный, на первый взгляд, волюнтаризм директивного высказывания, оно, как и любое другое высказывание, является лишь составляющей частью, **элементом** *коммуникации* (лат. *communus* – общий), *общения* свободных людей, а не себе довлеющим целым.

Актуализируемое говорящим, директивное высказывание – это сложный продукт, в образовании и функционировании которого принимают участие оба участника коммуникации, непосредственный ситуативный контекст высказывания, социальная и языковая среда, к которой принадлежат коммуниканты и общий для них культурно-исторический фон.

При изучении директивных высказываний неизбежно встает вопрос: какие высказывания следует признать директивными? Очевидно, все те, функция которых – оказать определенное воздействие на адресата. При этом часть этих высказываний будет чисто директивными:

- *Pass me some water, please (Подайте мне воды, пожалуйста)*
- *Подай мне эту книгу.*

Говорящий хочет, чтобы адресат совершил (или не совершал, в случае *запрещения*) те или иные действия, и действия эти могут быть самыми разнообразными (как физического, так и психического характера).

Значительная часть директивов имеет более специальный характер. Мы имеем в виду высказывания, где интенция говорящего сводится к просьбе или требованию к адресату сообщить определенную информацию:

- *Tell me all about it (Расскажи мне об этом все).*
- *Could you tell me the time, please? (Не могли бы вы сказать мне, который час?)*
- *Расскажите мне об этом.*
- *Который час?*

Следует особо остановиться на последней группе директивов. Значительная и даже большая часть из них использует в качестве средства выражения вопросительные предложения. А как же быть с традиционным делением предложений на повествовательные, вопросительные и побудительные? Деление это

сугубо формальное и относится лишь к интонационному и отчасти грамматическому аспектам предложения (а, следовательно, и высказывания). Если говорить о функциональном аспекте, то в современной лингвистике давно признано, что директивная интенция может быть выражена и с помощью повествовательных (*Smoking is prohibited (Курение запрещено); Стоянка автотранспорта запрещена*), и с помощью вопросительных предложений (*Can you do it for me, please? (Не могли бы вы сделать это для меня?) Не могли бы вы пересечь на другой стул?*). Однако функции вопросительных предложений в прагматических работах недостаточно прояснены. Так, большинство примеров, разбираемых в этих исследованиях (например, у Дж.Серля, посвятившего одну из своих работ косвенным речевым актам (Серль [1976] 1986), относится к таким вопросительным предложениям, где формально выражен момент директивности (модальные глаголы, семантически–директивные слова), прочие же типы этих предложений не рассматриваются. А.Вежбицка заверяет (Вежбицка 1985), что вопросительные высказывания имеют свою собственную функцию, отличную от директивной, а именно – удовлетворение потребности говорящего в конкретной информации. Здесь мы опять сталкиваемся с исключительным вниманием к позиции говорящего и игнорированием позиции адресата. Для адресата ответ на заданный ему вопрос будет реакцией, речевым действием, которое он исполняет, идя навстречу желанию собеседника. Так в чем же тогда функциональное отличие вопроса от просьбы? Сравним, например:

- *Что ты знаешь об этом?* (вопрос)

- *Расскажи мне об этом* (просьба)

Для адресата тут разницы никакой нет. Говорящий, задавая вопрос, конечно, прежде всего, руководствуется желанием восполнить недостаток информации, но и он не может не понимать, что это восполнение будет результатом действия адресата – сообщением запрашиваемой информации.

Можно заметить, что директивная интенция в данном случае является вторичной, вспомогательной. Но не так ли обстоит дело и со всеми директивными высказываниями? Ведь все действия, к которым говорящий призывает адресата, вызываются той или иной внешней или внутренней мотивацией – первопричиной этих действий. Поэтому, хотя вопрос и обладает рядом особенностей, имеется достаточно оснований к тому, чтобы считать, что чаще всего вопросительные предложения заключают в себе и директивную интенцию. Итак,

директивные высказывания могут выражаться всеми типами предложений – побудительными, повествовательными, вопросительными.

Переходя к анализу формального аспекта директивных высказываний, и в свете всего того, что в предыдущей главе говорилось о диалектике сущности и явления и процессе предикации, мы начинаем с реконструкции виртуального “архетипа” любого директива. На первый взгляд эта конструкция крайне проста и очевидна: “*СДЕЛАЙ X*”. Мы полагаем, однако, что, несмотря на то, что в своей актуальной реализации директивы часто имеют именно такую форму, она есть лишь своего рода редукция первоначальной виртуальной конструкции. Говорящий может обратить свою команду “*СДЕЛАЙ X*” к инструменту, который в состоянии это *X* исполнить – к компьютеру, например. При этом он использует понятный для этих инструментов способ сообщения им этой своей команды. В лице же собеседника, адресата того или иного *словесного* высказывания, говорящий имеет равного ему субъекта, наделенного разумом и свободной волей, поэтому виртуальная, “глубинная” форма любого директивного *высказывания* – *Я СЧИТАЮ, ЧТО ТЕБЕ СЛЕДУЕТ СДЕЛАТЬ X, ТАК КАК Y* (излагается мотивация, которая должна, по мнению говорящего, убедить адресата в необходимости исполнения *X*).

Как же соотносить этот виртуальный инвариант с реальными директивами, подавляющее большинство которых имеет совершенно иные конструкции, не имеющие, казалось бы, ничего общего с нашим “архетипом”?

Подобные трансформации действительно были бы невозможны, если бы человеческое общение не было опосредовано коммуникативным контекстом и языковой конвенцией. Очевидно, наличие именно этих двух факторов и позволяет редуцировать, сворачивать виртуальную конструкцию при переводе ее в актуальное состояние в процессе передачи сообщения от говорящего к адресату; адресат, в свою очередь, производит обратный процесс восстановления всех членов исходной конструкции, имплицитно содержащихся в актуальном высказывании.

Иногда говорящий разъясняет побудительную причину предлагаемых действий, так как других источников этой информации у адресата в данном случае может не быть. Чаще же эти источники (один или более одного сразу) наличествуют. Это – предыдущие реплики диалога или предшествующие по времени разговоры, самые различные невербальные аспекты коммуникативного

контекста. Источники эти бесконечно многочисленны и разнообразны, и различная их комбинация приводит к бесчисленным вариациям директивного архетипа, к удалению, имплицированию различных компонентов его структуры.

Важно отметить одно из “побочных” следствий изменения формы директивного высказывания при его переводе из виртуального состояния в актуальное. Это своего рода *мифологизация* высказываний, то, о чем так много писал Ролан Барт. Речь идет о сознательном или бессознательном завуалировании, а подчас и подмене мотивации высказываний. В отношении директивов эта мифологизация наиболее ощутима. Именно она привела к тому, что многие исходной формой директива считают конструкцию “*СДЕЛАЙ X*”. Именно поэтому, категорически и безапелляционно выраженный директив часто воспринимается нами как нечто неотвратимое, как рок, которому мы должны следовать вне зависимости от нашего личного отношения к нему и его основаниям, его источнику.

Итак, перед нами стоит задача – рассмотреть переход от виртуального директива к реальному директивному высказыванию, воплощенному в конкретном коммуникативном акте, а также выявить и описать основные факторы как лингвистического, так и экстралингвистического характера, обуславливающие этот переход.

Как уже отмечалось, реальные директивные высказывания весьма редко сохраняют в себе все компоненты виртуального инварианта. Эти высказывания реализуются с помощью всех типов предложения – повествовательного, побудительного, вопросительного. Директивный коммуникативный акт может содержать в себе одно, два или более предложений. Он может реализовываться в одной ремарке говорящего, а может и в нескольких. Часто один коммуникативный акт содержит предложения различных типов. В тех случаях, когда мотивация предлагаемого действия неочевидна, говорящий сообщает адресату сведения, которые могли бы убедить его в необходимости исполнить просьбу. Эти сведения сообщаются им в придаточном предложении, или в отдельных повествовательных предложениях, включаемых в состав директивного высказывания и являющихся вспомогательными по отношению к главному – побудительному.

Самый распространенный способ выражения директивной интенции – *побудительные или императивные предложения*. Самый общий вид императивного директива – *СДЕЛАЙ X*:

- *State your case (Изложите ваше дело)(Conan Doyle).*
- *Давай и водки (Достоевский).*

Иногда встречаются еще более эллиптические высказывания, содержащие в себе лишь название объекта действия или его характеристику:

- *Quick! (Быстро!)(Wilde)*
- *Воды, полотенце! (Достоевский)*

Такие высказывания возможны лишь тогда, когда из самой коммуникативной ситуации абсолютно ясна мотивация предполагаемого действия, необходимость его совершения. Ясно и само действие, механизм его исполнения. Наконец, в подобных ситуациях очевидны субъект и объект директива, поэтому они не называются. Единственная функция директива здесь – инициировать начало действия.

Императивные предложения структурно – самые простые из всех, которыми может выражаться директивная интенция. Главный элемент их – глагол, употребленный в повелительном наклонении, – синтезирует в себе два элемента виртуального директива: пропозицию (*Я СЧИТАЮ НЕОБХОДИМЫМ/ЖЕЛАТЕЛЬНЫМ/ПОЛЕЗНЫМ И ПР.* и название самого действия). При этом пропозиция выражается в императивном предложении не лексически, но грамматически – особым наклонением глагола.

Императивные конструкции возможны только в конвенциональном коммуникативном контексте. Поэтому, если говорить здесь о диалоге, то это скорее диалог не вербальный, а оценочный – при совпадении оценок ситуации говорящим и адресатом высока вероятность претворения слов в дело (*“doing things with words”*). Если этого согласования не происходит – не случится и дела.

Таким образом, мы приходим к парадоксальному выводу, что в случае с императивными высказываниями вербальный диалог есть признак недостаточной иллюкутивной силы этих высказываний и, следовательно, возможного неисполнения инициируемых ими действий, и наоборот – непосредственное исполнение действия в полном объеме без всякого словесного обсуждения его свидетельствует о состоявшемся согласовании воли говорящего и воли адресата, достигнутом путем одинаковой оценки коммуникативного контекста. Здесь как нельзя лучше подтверждается известная русская поговорка – *Меньше слов – больше дела.*

Часто директивные высказывания принимают форму *повествовательных предложений*, которые в наиболее полном виде воспроизводят директивный инвариант.

Директивы, выраженные двусоставными повествовательными предложениями часто являются более эксплицитными и, соответственно, менее конвенционализированными, чем императивные конструкции.

Что касается особенностей вербального реагирования адресата на неимперативные директивы, то общие тенденции здесь те же, что и в случае с императивами – в случае “претворения слова в дело” словесная реакция является избыточной, в противном случае (отказ, замедление, уточнение и т.д.) – реакция вербализуется:

- *Если позволите, я бы подождал лучшие здесь с вами, а там что ж мне одному?*
- *В передней вам не стать, потому вы посетитель, иначе гость (Достоевский).*

Главной особенностью высказываний, выраженных с помощью *вопросительных предложений*, по сравнению с императивными и повествовательными, является их ориентация на вербальный диалог с собеседником. Даже высказывания, направленные на побуждение адресата к физическому действию предполагают и вербальную реакцию, каковая обычно и предшествует действию физическому, или является единственной реакцией, если адресат не может или не хочет привести в исполнение подразумеваемое действие. Чаще всего вопросительные высказывания содержат в себе лишь собственно информативный момент, то есть сообщение какой-либо информации с тем, чтобы адресат ее подтвердил или опровергнул (общий вопрос) или запрос о какой-то конкретной информации (специальный вопрос). То, что такие высказывания утратили не только пропозицию, но и собственно побудительный момент, возможно объяснить стереотипностью этих элементов директивной конструкции в вопросительных высказываниях (*Я хочу, чтобы ты сообщил мне...*) и их полной очевидности в соответствующей коммуникативной ситуации, что делает их актуализацию в большинстве случаев излишней.

Все директивные высказывания являются в большей или меньшей степени конвенционализированными, однако в наибольшей степени таковыми можно

считать “общественные указатели”.¹ По самой своей природе общественные указатели (далее – ОУ) суть институционализованные, конвенциональные текстовые акты.

Что касается формальной стороны, то ОУ могут быть как письменными, так и устными (например, объявления по радио в аэропорту или на вокзале) и даже невербальными (звонки перед началом сеанса в театре или перед началом или концом урока в школе). Объединяет их все в единый класс коммуникативных актов общая функция или специальное назначение – регулирование общественного поведения (то есть поведения всех членов общества, находящихся в данное время в данном месте) в общественных местах, как-то – в учреждениях, местах собраний, отдыха и непосредственно на улицах городов и других населенных пунктов (отсюда и второе английское название ОУ – City Directives = городские общественные указатели).

Все тексты ОУ – конвенциональны. Они ориентированы на общий социальный опыт, его определение и оценку большинством членов общества. В ОУ актуализируются содержания в значительной мере или полностью общеизвестные, а не вновь создаваемые. Отправитель полагается на имеющиеся у адресата знания, позволяющие воспринять информацию, которую часто невозможно вывести лишь из слов, составляющих текст ОУ. Формула и содержание многих ОУ устойчивы и часто могут быть заранее предсказаны:

- *Входить в зрительный зал после третьего звонка воспрещается.*
- *Private car park. Not for public use*
(*Частная парковка автомобилей. Не для общественного пользования*).

Высокая степень авторитетности источника ОУ по отношению к его потенциальным адресатам является одним из его основополагающих признаков. Несомненно, что отсутствие этого признака привело бы к катастрофическому снижению успешности применения ОУ. Авторитетность ОУ во многом обеспечивается социальной мифологией. Человек, увидев категорически выраженный запрет “НЕ КУРИТЬ” или извещение о том, что данный вход “ТОЛЬКО ДЛЯ

---

¹ В отечественной лингвистике этот термин не встречается, поэтому приходится делать переводку из англо-американской прагматической литературы – Public(City) Directives.

ПЕРСОНАЛА”, неизбежно придет к выводу о том, что за этими крайне лаконичными фразами, напечатанными на официально выглядящих табличках, кроется какая-то высокая властная инстанция, обладающая возможностью и полномочиями наказать нарушителя тем или иным образом.

Что же можно сказать об общественных указателях с точки зрения диалогической философии? Безусловно, диалог между отправителем и адресатом опосредован письменным текстом. Однако, он происходит, хотя и не в актуальной, а в виртуальной форме. Отправитель и адресат вступают в диалог через свою причастность ‘Большому времени’, единому социально-культурному контексту, который позволяет выбрать единую перспективу при рассмотрении какого бы то ни было объекта и предмета высказывания. Коммуникативная координация говорящих здесь заменяется конвенциональной координацией отправителя и получателя текста. Поэтому ОУ следует рассматривать наряду с другими директивными высказываниями как один из многочисленных элементов диалогического процесса.

В Главе 3 – «НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ БРИТАНСКИХ И РОССИЙСКИХ ДИРЕКТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ» – рассматриваются особенности вербализации директивной интенции в рамках двух национально-культурных сред. Отмечается, что национальная культура и национальный язык неотделимы друг от друга и взаимно влияют друг на друга. В. фон Гумбольдт писал, что «...в языке мы всегда находим сплав исконно языкового характера с тем, что воспринято языком от характера нации. На язык влияет также и то, какого типа предметы и чувства либо характерны для данного народа вообще, либо сопутствовали ему на ранних этапах его существования, когда язык только приобретал свою первоначальную форму...» (Гумбольдт 1985). Одновременно с этим, согласно всеобщему закону антиномического, диалектического развития «своеобразие языка влияет на сущность нации» (там же).

При сравнении английских и русских текстов нельзя не учитывать типологическое отличие этих языков, то есть принадлежность русского к синтетическому типу языков, а английского – к аналитическому. Каковы же основные отличия английского языка от русского как языка аналитического от языка синтетического?

Русский язык есть язык более близкий к своему древнему состоянию, с богатым набором лексического и морфологического материала, с относительно свободным порядком слов в предложении, с развитой синонимией и с невысокой частотностью употребления лексических единиц в тексте. Отсюда, относительно невысокий уровень фразеологизации, стандартизации, формализации в высказываниях, меньшая степень нормативности.

Напротив, английский язык есть весьма сложный продукт многочисленных языковых влияний, приспособлений, упрощений. Эти процессы привели к тому, что он приобрел несвойственный ему раньше характер аналитического языка. Уменьшение объема лексических и в значительно большей степени морфологических единиц привело к расширению значений оставшихся единиц, к высокому уровню полисемии и омонимии. Для устранения непонимания, которое неминуемо возникло бы при подобном изменении в языке, произошел сдвиг в системе языка, выразившийся в строгом закреплении порядка слов в предложении, в увеличении удельного веса фразеологических оборотов и в тенденции к формализации и стандартизации в высказываниях.

Наш следующий шаг заключается в том, чтобы попытаться в общих чертах определить особенности национально-культурных сред Великобритании и России, чтобы иметь возможность учитывать отражение этих особенностей в коммуникативных актах в английском и русском языках.

Согласно многочисленным исследованиям (Т.Карлейль, М.Бэринг, В.С.Соловьев, Г.Гачев, Ю.Таранцей, Т.Ф.Ухина), основное в английском характере – сила, воля, стремление к очевидности, к упорядоченности, формализм, материализм, консерватизм, свободолюбие, парадоксальность, соревновательность, неременное соблюдение этикетных норм, фатичность, принцип невмешательства в личную жизнь собеседника, подчеркнутая вежливость. В английском общении доминируют этикетно-традиционные формулы обращения и приветствия, наличествует большое количество формальных условностей и правил светского поведения, есть традиционные, этикетные контактоустанавливающие вопросы и фразы.

Основные антиномические пары характеристик русского народа по Н.О.Лосскому: религиозность – атеизм, страстность – леность, свободолюбие – деспотизм, доброта – жестокость, а также неорганизованность, отсутствие интереса к форме, а для определенных слоев народа – нигилизм и хулиганство.

И.А.Стернин, описывая русское коммуникативное поведение, отмечает следующие характерные черты: общительность, искренность в общении, эмоциональность общения, приоритетность «разговора по душам» перед другими видами общения, приоритетность неофициального общения, нелюбовь к светскому общению, стремление к паритетности и простоте в общении, ситуативно-тематическая свобода общения, тематическое разнообразие, проблемность общения, свобода подключения к общению других, дискуссионность общения, бескомпромиссность в споре, отсутствие традиции «сохранения лица» побежденного в споре собеседника (Стернин 1994).

Помня слова В. фон Гумбольдта о взаимном влиянии народа и его языка, отметим несколько очевидно совершенно не случайно совпавших черт английского национального характера и языка и соответственно русского характера и языка – это рациональность англичан, их стремление к упорядоченности и систематизации и соответствующая этому высокая степень формальной упорядоченности, четкая структура, стандартизация в языке. Русские проявляют меньший интерес к форме, к систематизации, они более свободны в выражении, соответственно и формы выражения в языке менее упорядочены и более разнообразны.

Согласно результатам нашего исследования, можно выделить главные особенности английских и русских директивных высказываний.

Основные черты **английских директивных высказываний**:

- бóльшая средняя длина текста;
- бóльшая степень детализации и специализации текста;
- часто – наличие объективной (или *псевдообъективной*) мотивации действия в тексте;
- бóльшая степень стандартизации и формализации текста;
- тенденция к использованию неимперативных, некатегоричных, «вежливых» форм, в частности модальных конструкций и условного наклонения;
- частое использование пассивных конструкций, особенно в текстах общественных указателей;
- более высокая частотность и широкая сфера применения общественных указателей.

Основные черты русских директивных высказываний:

- в среднем меньшее количество лексем в тексте;
- сжатость, лаконичность текстов общественных указателей;
- категоричность и авторитарность значительного количества текстов (особенно, текстов ОУ);
- большая эмоциональность высказываний;
- частое использование императивных конструкций;
- использование в императивных конструкциях глаголов-инфинитивов и глаголов прошедшего и будущего времени изъявительного наклонения, а также отглагольных наречий;
- частое использование в текстах безличных и неопределенно-личных предложений;
- меньшая степень формализации и стандартизации.

Мы также сделали вывод о большей степени прагматичности, индивидуальности при использовании директивных высказываний в британской среде, и о более «диалогичных» русских директивных коммуникативных актах, в большей степени рассчитанных на взаимодействие коммуникантов, а не просто на воздействие говорящего на адресата ради достижения индивидуальной цели говорящего.

Важно отметить, что все отмеченные выше особенности суть не более, чем тенденции. Собеседники в каждом конкретном акте коммуникации самостоятельно облачают свои высказывания в формы, наиболее соответствующие коммуникативной ситуации и их собственным индивидуальным речевым особенностям.

В ЗАКЛЮЧЕНИИ приводятся основные выводы исследования:

- директивность является одной из базовых характеристик высказывания; все высказывания можно по этому критерию разделить на *директивные* и *недирективные*;
- директивное высказывание есть сложный продукт коммуникации, зависящий от волеизъявлений коммуникантов, особенностей коммуникативного контекста, социокультурной и национально-языковой среды; успешность ди-

рекативного высказывания, то есть «претворение слова в дело», зависит, прежде всего, от успешности *диалога* коммуникантов, согласованности их волеизъявлений;

- степень отличия конкретного директивного высказывания от директивного инварианта, *имплицитность* его или *эксплицитность* зависит от всех факторов и особенностей данного акта коммуникации;

- директивная интенция может выражаться предложениями всех типов; директивное высказывание может содержать одно или несколько предложений, в последнем случае одно из предложений бывает чаще всего собственно-директивным, прочие – вспомогательными, то есть усилительно-мотивационными или объяснительными;

- в директивных высказываниях используется большое количество разнообразных грамматических и лексических интенсификаторов для усиления его иллюкутивной силы;

- в случае осуществления диалога говорящего и адресата, то есть согласования их волеизъявлений, адресат осуществляет ответ действием (физическим, словесным или психическим); при отсутствии этой согласованности, а также при особых условиях (отнесенность акта коммуникации и предполагаемого действия во времени друг от друга, особенности взаимоотношений коммуникантов и пр.) обычно следует словесная реакция адресата (не являющаяся исполнением предлагаемого действия), а затем может возникнуть дополнительный вербальный диалог коммуникантов;

- особый тип директивных высказываний представляют собой *общественные указатели*; их главные отличительные черты:

- а) опосредованность коммуникации

- б) имперсонификация (отсутствие конкретного отправителя и безличный, коллективный адресат)

- в) многократность использования

- г) стандартность и лаконичность текста

- д) конвенциональность;

- контрастивное исследование английских и русских директивных высказываний показало значительную степень влияния на их построение и функционирование тех языковых и национально-культурных особенностей сред, к которым принадлежат коммуниканты; в частности, в их построении отражаются

такие особенности исследуемых национально-культурных сред как индивидуализм, прагматизм, рационализм и формализм англичан и соборность, искренность, эмоциональность, неупорядоченность русских; значительное влияние на построение директивных высказываний оказывают также типологические особенности английского и русского языков.

Содержание диссертации отражено в следующих публикациях:

1. Некоторые особенности языка и грамматики «общественных указателей» // Роль и место грамматики в обучении иностранным языкам. СПб., 1998. Ч.2. 68–71.
2. О возможности использования принципов диалогической философии в прагматическом исследовании // Материалы науч.-теор. конф. «Язык и национальное сознание». Воронеж, 1999.
3. К онтологическому и диалогическому пониманию языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып.1. Проблемы философии языка и сопоставительной лингвистики. Воронеж, 1999 46-62. Интернет-версии: <http://tpl1999.narod.ru>; antinomy.narod.ru, 2001.
4. Директивные высказывания с точки зрения диалогического подхода // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып.2. Язык и социальная среда. Воронеж, 2000. С.109-126. Интернет-версия: <http://antinomy.narod.ru>, 2001.
5. Language. Antinomy. Dialogue // [http://cogprints.soton.ac.uk/ language/philosophy of language](http://cogprints.soton.ac.uk/language/philosophy%20of%20language), Southampton, 2001 // antinomy.narod.ru, 2001.
6. Некоторые особенности функционирования "общественных указателей" как средства регулирования общественного поведения // <http://antinomy.narod.ru>, 2001.
7. Национально-культурные особенности британских и российских директивных высказываний // <http://antinomy.narod.ru>, 2001; Сб. научных трудов молодых ученых ВГУ (в печати).
8. О некоторых особенностях текста общественных указателей (современная мифология) (в печати).